

Католическая Высшая Духовная Семинария
«Мария — Царица Апостолов»

Полемика платоников и стоиков о существовании идей

Семинарист: Александр Конев, 1 курс

Преподаватель: А. Г. Черняков

Санкт-Петербург
2005 г.

Хрисипп

Сократ, Чужеземец, Зенон Китийский, Хрисипп

Чужеземец . Итак, Сократ, вернемся к той беседе, в которой мы с Теэтетом и с тобой обсуждали, что представляет собой софист . Надеюсь, что к нашему разговору присоединятся Зенон и Хрисипп. Сейчас я хотел бы снова поговорить о людях, утверждающих телесность всего сущего. Ведь они всё совлекают с неба и из области невидимого на землю, как бы обнимая руками дубы и скалы. Ухватившись за все подобное, они утверждают, будто существует только то, что допускает прикосновение и осязание, и признают тела и бытие за одно и то же, всех же тех, кто говорит, будто существует нечто бестелесное, они обливают презрением, более ничего не желая слышать.

Сократ . Да, и ты тогда хорошо показал, что если существует душа, и в душе пребывают справедливость, разумность и любая другая добродетель, а также их противоположности, причём нельзя признать этого видимым и осязаемым, то у них не остаётся иного, как признать, что всё перечисленное не является телами.

Чужеземец . Если, конечно, они не хотят отрицать самого существования и души, и добродетели.

Сократ . Однако сейчас мы можем послушать Зенона и Хрисиппа, согласятся ли они с нашим рассуждением?

Зенон . Мы не думаем, что такое рассуждение правильно, и утверждаем, что нетелесного не существует. Но для начала, может быть, определим, что можно считать действительно существующим?

Сократ . В той беседе мы с Теэтетом согласились, что все, обладающее по своей природе способностью либо воздействовать на что-то другое, либо испытывать хоть малейшее воздействие, пусть от чего-то весьма незначительного и только один раз — все это действительно существует. Мы даём такое определение существующего: оно есть не что иное, как способность.

Зенон . Это прекрасно, Сократ. С таким утверждением нельзя не согласиться. Но отсюда не следует, что нетелесное может существовать.

Сократ . Но ведь ты, Зенон, не хочешь сказать, что ни добродетели, ни души не существует?

Зенон . Нет, конечно же, такого никто не скажет. Они бесспорно существуют.

Сократ . Не скажешь ли ты тогда, Зенон, что добродетель телесна?

Зенон . Но именно такова она и есть. И не только душа и добродетель, но даже Бог представляет собой тело. Он — наделённая разумом вечная пневма. И мудрость тоже материальна.

Сократ . Удивительные вещи говоришь ты. Но скажи мне, каково тело у мудрости?

Хрисипп . Я отвечу тебе на твой вопрос, Сократ. Сама мудрость – это ум, или иначе говоря, творческий огонь (πῦρ τεχνικόν), пронизывающий космос, представляющий собой тело, частями которого является всё остальное. Творческий огонь отличен от обычного огня, который превращает в себя свою пищу. Творческий огонь сберегает все, присутствует в растениях и животных, и таким образом, является природой и душой. И даже солнце, луна и все прочие звёзды — это мыслящие и наделённые разумом существа. Они обладают огненной природой, так как содержат творческий огонь.

Бог же представляет собой семенной логос вселенной. Хотя люди и думают, что мудрость, добродетель и некоторые другие вещи такого рода нетелесны, но это не так. Чтобы понять, чему подобны Бог и провидение, лучше всего сказать, что отношение человека к его душе подобно отношению Бога и вселенной к провидению.

Сократ. Итак, ты отнёс все прекрасные вещи, включая и мудрость, к роду вещей телесных. Но что ты понимаешь под телесной вещью, Зенон?

Зенон. Телесная вещь это та вещь, которая имеет длину, глубину и ширину Сократ. С этим, я думаю, согласится любой.

Сократ. Это несомненно, клянусь богами! Но какие ещё роды вещей, кроме телесных, вы насчитываете?

Хрисипп. Прежде всего, мы не считаем, как другие, что высшим родом вещей является существующее. Такое суждение подразумевает, что всё оказывается существующим. Мы же высшим родом полагаем «ничто», и тогда существующие и несуществующие вещи оказываются видами этого рода.

Чужеземец. Но если вещь есть (ἔῖναι) что-то, то не значит ли это, что она существует (ἔῖναι)?

Хрисипп. Быть чем-то ещё не значит существовать, чужеземец, ведь вещь может быть предметом мысли или рассуждения, но не существовать.

Чужеземец. Каким образом это возможно, и о каких вещах ты говоришь?

Хрисипп. Такие вещи имеют ограниченное существование лишь в уме. Это, например, кентавры или гиганты. Им соответствует в уме некий мысленный образ, хотя вовне ума они и не имеют ничего для самостоятельного бытия, и в этом они сходны с такими понятиями, которые обозначают время и место.

Чужеземец. Разве понятия, имеющие отношение к месту и времени — то же, что кентавр?

Хрисипп. Разница между понятиями «кентавр» и «сегодня» в том, что первое вообще существует лишь в уме, второе же только нетелесно. Но «сегодня» также не имеет собственного существования, и зависит от движения Солнца. К существующим лишь в уме вещам мы относим также и геометрические понятия, вроде линии или точки.

Чужеземец. Общие представления, например, идею человека, вы тоже относите к этому роду вещей?

Хрисипп. Мы думаем, что такие общие представления даже нельзя назвать «чем-то», ведь не существует такой вещи, как человек вообще — она не существует даже в том виде, в котором существует кентавр Хирон, или математическое понятие. Ведь эти последние связаны с определённым образом (φαντασία) в сознании, общее же представление о человеке с таким конкретным образом не связано, будучи чистой абстракцией.

Чужеземец. Об идеях у нас другое суждение, но прежде чем рассмотреть этот вопрос, скажи: что вы называете нетелесными вещами?

Хрисипп. Кроме представлений, относящихся к месту и времени, нетелесными являются смыслы произносимых слов. Сами же слова, будучи вибрациями воздуха, в отличие от своих смыслов — телесны. Мы в Расписном Портике называем такие смыслы произносимого «лекта». Притом надо учитывать, что лектон (λεκτόν) может сам обозначать существующую телесную вещь.

Чужеземец. Но разве нетелесные смыслы произносимого не связаны в конечном счёте причинно с вещами телесными?

Х р и с и п п . Телесное причинно зависит только от телесного, ибо для телесного только с телесным возможно взаимодействие и смешение.

С о к р а т . Скажи нам теперь, что же вы относите к роду существующего самостоятельно?

Х р и с и п п . К этому роду относятся четыре подчинённых ему рода, в которых заключено всё, что имеет отношение к телесным вещам. Это во-первых, подлежащее (ὕλοκεῖμενον), представляющее собой лишённую определенных качеств материю, или возможность тела, затем качественная определенность (ποιόν), состояние (πῶς ἔχον) и состояние в отношении (πρὸς τί πῶς ἔχον).

Ч у ж е з е м е ц . Расскажи об этих родах подробнее.

Х р и с и п п . Материя — это та сущность (οὐσία) вещи, которая определяет её тождественность самой себе. Она является подлежащим вещи в первичном смысле. Если изменить сущность вещи, она перестанет быть собой: как например, если ты увеличишь семерку на единицу, она уже не будет семеркой, но станет восьмеркой, то есть иной вещью.

Ч у ж е з е м е ц . Но как же вы решите проблему роста и уменьшения вещи? Ведь для того, чтобы говорить о каком-то изменении вещи, необходимо, чтобы она в процессе изменения всё-таки оставалась самой собой?

С о к р а т . Действительно, ведь нельзя говорить о знании вещей, если они меняются и ничто не остается на месте. И откуда возьмутся устойчивые понятия, если в вещах нет ничего устойчивого, но все течет, как дырявая скudelь, или люди, страдающие насморком? Как располагать вещи, если все они влекомы течением и потоком?

Х р и с и п п . Рост и уменьшение не приводят к изменениям материи, но только меняют её качественную определенность. Качественная определенность — второе из рода телесных сущих. Это причина данного состояния материальной вещи. Мы считаем, что в отношении к человеку этой причиной является пневма, движущая его тело. В случае роста и уменьшения чего-то меняется частная качественная определенность, в то время как общая качественная определенность при этом не меняется.

Ч у ж е з е м е ц . А что вы относите к состоянию?

Х р и с и п п . Начала временных и пространственных свойств. К примеру, направляющее знание человека относится, в некотором смысле, к этому роду.

Ч у ж е з е м е ц . Положим. Но что же относится к состоянию в отношении (πρὸς τί πῶς ἔχον)?

Х р и с и п п . Это такие стороны сущего, которые характеризуют вещь в её отношении к другим вещам. Например, если говорить о Сократе, то состояние в отношении описывают такие характеристики, как «сын Софрониска», «друг Алкивиада». Даже если Софрониск умрет, то Сократ останется Сократом, и потому «состояния в отношении» не являются внутренне необходимыми для вещи.

Ч у ж е з е м е ц . Я понимаю тебя, Хрисипп, но не улавливаю, почему эти четыре рода телесного сущего ты считаешь существующими самостоятельно? Ведь они не существуют сами по себе, поскольку нельзя отличить в Сократе его материю от его качественной определенности, коль скоро и то и другое имеет одинаковые вес, размер и внешность.

Х р и с и п п . Да, каждое индивидуальное телесное сущее совмещает в себе все эти четыре рода, но мы говорим, что они относятся к самостоятельно сущему, потому что не

зависят от других сущих и присущи только единичным вещам. Понимаемая как часть целого, материя, хотя и не тождественна целому, но в то же время и не отлична от него.

Чужеземец . Итак, вы говорите, что всё действующее или способное действовать — телесно?

Хрисипп . Да, ведь нетелесное не может вступить в контакт (συμπαθεία) с телесным, чтобы воздействовать на него.

Чужеземец . Однако если нетелесное всё же имеет — благодаря превосходству своей природы, чуждой материи и неподверженной изменению — возможность воздействия на телесное, то такое ваше исходное положение заставит вас рассматривать его как телесное, не так ли?

Хрисипп . Не вижу, каким образом нетелесное может двигать телесное.

Сократ . Мне в ваших суждениях видится ещё одна трудность, Хрисипп.

Хрисипп. Какая?

Сократ . Ты сказал вначале, что творческий огонь, который вы называете Богом, присутствует в растениях и животных, являясь их природой и душой.

Хрисипп. Это так.

Сократ . Можно ли тогда сказать, что каждая единичная вещь телесна, и состоит из двух начал?

Хрисипп. Да.

Сократ . Эти начала можно разделить, или они всегда существуют совместно?

Хрисипп . Они неразделимы.

Сократ . Но можно ли тогда считать телами эти два начала, из которых состоит всякое тело? Похоже, что вам придётся признать, что не всякое сущее телесно, и допустить существование чего-то подобного тому, что мы зовём идеями.

Хрисипп . То, что вы называете идеями, Сократ, это всего лишь абстракции, находящиеся в уме, и более никак не существующие.

Чужеземец . Ты говоришь, что не существует такой вещи, как «человек вообще». Значит ли это, что представление «человек вообще» — это ничто?

Хрисипп . Нет, скорее, это не есть что-то. Впрочем, в некотором смысле всё-таки можно говорить о человеке вообще, но только как символе или знаке, который требуется для рассуждения.

Чужеземец . Хорошо, но если идеи не существуют, кроме как в уме создающего их, то как же тогда ты понимаешь меня, если я говорю, к примеру, о быстрой белой лошади? Если ни быстроты, не белизны в действительности нет, то что значат эти качества лошади?

Хрисипп . Эти телесные слова содержат, как я говорил, нетелесные смыслы, «лекта», обозначающие, в свою очередь, реально существующие телесные вещи, как например «Сократ», или их свойства. Иначе выражаясь, можно сказать, что лектон служит знаком вещи. Хотя обозначаемого может и не существовать в реальности. Так например, нет такой вещи, как «Сократ стоит».

Чужеземец . Отчего же такой вещи не существует, ведь Сократ действительно стоит?

Хрисипп . Надо отличать лектон, означающий что-то, от лектона, говорящего о чем-то. Высказывание «Сократ» обозначает конкретную телесную вещь, а высказывание

«Сократ стоит» лишь говорит о Сократе, но обозначает вещь не существующую саму по себе — ведь стояние Сократа не есть что-то действительно существующее.

Ч у ж е з е м е ц . Всё-таки, Хрисипп, если я скажу, что человек — это двуногое животное, то согласишься ли ты со мной или скажешь, что это неверно?

Х р и с и п п . Отвечу тебе, что только высказывание о вещи, существующей поистине, может быть истинным или ложным. Мы называем такое высказывание «аксиома». То же, что сказал ты, не является аксиомой, ведь нет такого единичного предмета, как «человек».

Ч у ж е з е м е ц . Но можно ли постичь смысл высказывания о телесном предмете?

Хрисипп. Да.

Ч у ж е з е м е ц . В таком случае, раз мы познаём лектон, то не следует ли сказать, что он претерпевает? И тогда, исходя из нашего согласия о подлинно существующем, которого мы достигли вначале (что все, обладающее по своей природе способностью либо воздействовать на что-то другое, либо испытывать хоть малейшее воздействие, — все это действительно существует), мы должны будем признать, что нетелесный смысл действительно существует.

С о к р а т . Возможно, мы более проясним этот вопрос, Хрисипп, если сначала разберёмся, откуда происходят лекта?

Х р и с и п п . Высказыванию предшествуют впечатление. Впечатление происходит от единичных вещей, телесных и поистине существующих. Лектон — это нетелесная часть высказывания, или его смысл, телесной же частью являются произносимые слова.

С о к р а т . Как же образуются смыслы? Каково, по вашему мнению, происхождение общих представлений?

Х р и с и п п . Представления эти образуются так: когда человек рождается, ведущая часть его души подобна чистому листу, готовому для записей. На него и записывается каждое отдельно взятое общее представление. Первым по порядку способом записи является запись с помощью чувств. Мы ощущаем что-то, например, белое, и когда это ощущение проходит, остаётся воспоминание. А когда у нас образуется много однородных воспоминаний, тогда, говорим мы, у нас появляется опыт. Опыт — это совокупность однородных воспоминаний.

С о к р а т . Представления, таким образом, возникают сами собой?

Х р и с и п п . Из общих представлений одни образуются естественным путём, как я описал выше — и без всякого искусственного содействия. Другие, напротив, возникают уже благодаря нашему обучению и заботе. Как раз последние и называются просто общими представлениями, а первые — ещё и первичными общими представлениями.

С о к р а т . Они находятся в уме, а не в речи или ещё где-то?

Х р и с и п п . Да, Сократ, они возникают в уме разумного существа. Мы называем такое представления в разумной душе «энноэма» (ἐννοεμα), это своё название оно получает от слова νοῦς – ум.

С о к р а т . Однако почему же ты говоришь о белом, что это именно белое? Не так ли обстоит дело, что представлению в уме предшествует какой-то реальный предмет, по причастности к которому чувственно воспринимаемая вещь и получает своё название? А иначе что общее у всех тех предметов, на которые мы можем указать «вот это белое»?

Х р и с и п п . Я понимаю, Сократ, что ты снова говоришь об идеях. Но повторяю, у них нет причин для существования. В создании этих представлений, которые мы называем

«энноэмата», участвует сам человек, а смыслы, которые называются обозначениями, назначаются произвольно.

Чужеземец . Итак, Хрисипп, «энноэмата» не являются ни реальными предметами, ни их качествами?

Хрисипп . Да, они не являются реальными предметами, но происходят от подлинно существующего. Это как бы предметно и качественно определенные грёзы души (φαντάσματα). К этим грёзам относится то, что вы называете идеями человека, лошади, или всего, что можно представить.

Чужеземец . Но если для этих грёз нет реальной причины, то разве не подобны они бредовому видению, создаваемого сознанием пьяницы?

Хрисипп . Не так, чужеземец. В отличие от представлений вроде химер и кентавров, энноэмата имеют объективные причины, вызывающие их. Впечатление (φαντασία) — это испытываемое душой воздействие, обнаруживающее само себя, и то, что его вызвало. Реальный объект впечатления — то, что приводит к появлению впечатления. Например, белое, холодное, и вообще всё, что способно воздействовать на душу. Мнимое же впечатление — это пустое притяжение, то есть воздействие, испытываемое душой при отсутствии реального объекта — словно кто-то борется с тенью или хватается руками пустоту: ведь в основе впечатления лежит некая реальная вещь (φανταστόν), а в основе мнимого впечатления её нет.

Чужеземец . Эти общие понятия, энноэмата — относятся к единичному или же ко многому?

Хрисипп . Если например, мы с помощью зрения наблюдаем нечто белое, это и есть воздействие, испытываемое душой благодаря зрительному образу. Именно это испытываемое воздействие даёт нам основания утверждать, что перед нами действительно находится нечто белое, которое и воздействует на нас. Таковы же и осязательные и обонятельные впечатления.

Но я говорю о том, что для такого представления, как «лошадь вообще», невозможно указать соответствующее вещественное обозначаемое, а значит, такое представление не имеет вещественной причины для существования.

Чужеземец . Ты говоришь, что мы наблюдаем нечто белое — значит в этой вещи содержится определенность, которую разум извлекает для построения энноэмы. Но ведь чувственные вещи меняются, и как может быть чем-то определённым то, что никогда не задерживается в одном состоянии?

Хрисипп . Основой самоидентичности вещи является, как я сказал раньше, её сущность, или материя.

Чужеземец . Так объясни подробнее, каким образом разум приобщается к сущности вещи, чтобы создать истинные общие понятия, поскольку твоё упоминание опыта не вполне прояснило для меня их образование.

Хрисипп . Общее представление (ἐννοία) возникает в сознании путем наведения. Оно служит обозначением, выражающим общее качество единичных предметов. Эти представления значимы лишь как средства для проведения отвлечённых операций в уме, и могут быть отнесены к различным и не связанным друг с другом обозначаемым. А это равносильно отсутствию какого-то определенного обозначаемого.

Чужеземец . Однако, наведение объясняет дело, если позволяет усмотреть сущность вещей, но ты говоришь не об усмотрении сущностей, а только о создании знаков, служащих для отвлечённых операций. При этом остаётся неясной ценность этих знаков, и

где гарантия, что созданные умом «энноэмата» не разойдутся с реальностью, и понимание не окажется ложным?

Зенон. Во-первых, не следует забывать, что душа человека единосущна божественному уму. Во-вторых, сами впечатления создают в душе отпечаток, навряд ли того, что создается от печати в воске. А потому и не может в уме создаваться ложных представлений.

Чужеземец. Но если душа одновременно получает множество разных впечатлений, то не приобретает ли она одновременно самые разнообразные оформления?

Хрисипп. Я думаю, Зенон, что лучше сказать не «отпечаток», а «изменение». Тогда надо говорить так, что впечатление есть изменение души. И теперь уже нет несообразности в том, что при возникновении множества впечатлений одно и то же тело претерпевает многосторонние изменения. Например, когда одновременно издаётся много звуков, воздух разом испытывает многочисленные изменения; точно таким же образом и ведущее начало, обладая самыми разнообразными впечатлениями, способно одновременно испытывать соответствующие воздействия.

Сократ. Ответьте мне теперь, как эти «энноэмата» получают соответствующие им имена, чтобы вы могли выразить их в речи? Придерживаетесь ли вы того же мнения, что и Гермоген, который в нашей с Кратилом беседе утверждал, что нет иной правильности имен, кроме той, что я могу называть любую вещь одним именем, какое я установил, ты же – другим, какое дал ты? Также говорил он, что иногда одни и те же вещи в каждом городе называются особо, у одних эллинов не так, как у других, и у эллинов не так, как у варваров.

Зенон. Нет, имена существуют не по установлению, но по природе. Самые первые слова подражают тем вещам, которые они обозначают.

Чужеземец. Как, ради богов, это возможно? Ведь если даже не говорить о других городах, где вещи часто обозначают другими словами, чем мы, афиняне, или тем более о варварских народах, то всё же нельзя не заметить, что и у нас бывают многозначные слова. Кроме того, значения слов со временем меняются. И наконец, как выражается подобие слова тому, что оно обозначает? Ведь нельзя сказать, что слово «разбой» непристойно, но обозначаемое им непристойно в высшей степени.

Хрисипп. Ты прав в том, что похожие вещи могут обозначаться непохожими словами, а вещи непохожие — похожими словами. Но мы утверждаем, что первичными элементами членораздельной речи являются не собственно слова, а слоги, из которых затем возникают глагол, предлог, член и союз.

Чужеземец. Однако же непросто будет объяснить, в чем соответствие слогов вещам, если мы знаем, что вещи обозначаются не слогами, но словами, а из слогов же смысла не возьмёшь.

Сократ. Хрисипп и Зенон, вы пока ещё не объяснили нам, каким образом связывается обозначающий звук с обозначаемым им смыслом, и в чём соответствие или подобие смысла, или же энноэмы — с вещью. Не сомневаюсь, что в следующий раз, когда мы вернёмся к этим запутанным вопросам, вы нам подробно ответите. Пока же придётся прерваться, так как мы долго говорили, и уже встаёт солнце.

Литература

A. A. LONG, *Hellenistic philosophy*, Second edition, London 1986.

Фрагменты ранних стоиков, (перевод и комментарии А. А. Столяров), Москва 1999.

ПЛАТОН, *Кратил*, в *Собрание сочинений в четырёх томах*, том 1, Москва 1990, стр. 618–680.

ПЛАТОН, *Софист*, в *Собрание сочинений в четырёх томах*, том 2, Москва 1993, стр. 275–345.

ПЛАТОН, *Парменид*, в *Собрание сочинений в четырёх томах*, том 2, Москва 1993, стр. 346–412.